

Н58710.

1820/87.1. ИВАН НЕХОДА

Южный
ФРОНТ

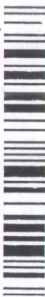

1943

1 руб.

О Г И З
ГОСЛИТИЗДАТ
МОСКВА

V.N. Karazin Kharkiv National University

00685037

7

NO. 101 HAON

4324 (e/1941:8

2/8 69

2811

Иван Нехода

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

СТИХИ

(С украинского)

Получено
1945

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХІУ
Інв. № 18205р/1.

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943

Принято
1945

58

СОДЕРЖАНИЕ

Мы — Сталина солдаты. — Перевел Дм. Кедрин	3
Борись, Украина! — Перевел Семен Олендер	4
И цветов не выносили нам девчата. — Перевел Л. Прицкер	5
Слышишь клич журавлиный в ночи? — Пе- ревел Лев Озеров	6
Три березки. — Перевел Семен Олендер . .	6
Сегодня я, как именинник, — Перевел Л. Вы- шеславский	7
Каждый день встречаю почтальона. — Пере- вел Лев Озеров	9
Может, скажет Информбюро. — Перевел Се- мен Олендер	10
Беженцы. — Перевел Лев Озеров	10
Я сохраняю от квартиры ключ. — Перевел Гр. Скульский	12
Рисунок. — Перевел Гр. Скульский	13
Ласточка. — Перевел Николай Берендгоф . .	14
В ночь под Ивана-Купала. — Перевел Михаил Зенкевич	14
Да будет так! — Перевел Л. Вышеславский .	16

Редактор А. Деев

А489. Подписано к печати 9/VII 1943 г.

Тираж 10 000 экз. 1/2 печ. л. Зак. 607. Цена 1 руб.

Отпеч. с матриц в 18-й тип. треста «Полиграфкинг»

Москва, Шубинский пер., д. 10

МЫ — СТАЛИНА СОЛДАТЫ

По смерти близких учит нас война
Вести счет дням без отдыха и сна,
По шрамам — битв припоминаем даты, —
Мы — Сталина бесстрашные солдаты.
У каждого из нас была семья, был дом.
Смеялось счастье в нем, играло солнце в нем.
Домов лишились мы. В ночи на карауле
Мы видим вместо звезд светящиеся пули,
Нам даже лунный свет не мил в полночный час:
Он лишний. Он во тьме демаскирует нас.
В окопах мы живем в ненастье, в снег, во вьюгу,
Нам бороды побрить нет времени друг другу,
Забыли мы любовь... Но что нам в нашей жизни,
Когда затмили день враги у нас в отчизне?
К чему нам солнца свет, который не для всех?
Что смех, когда звучит немногим этот смех?
Мы, мстя за всех, идем по вражескому следу,
Чтоб встретить на пути иль смерть, или победу.
Мы рвемся в бой, полны решимости и зла,
Чтоб выгнать чужаков из своего угла!
Вот так-то мы живем, — далеко от родни,
По умершим друзьям считая наши дни,
По шрамам — битв припоминая даты, —
Мы — Сталина бесстрашные солдаты!

БОРИСЬ, УКРАИНА!

Моя Украина! Теперь на Десне
Цвели бы каштаны и клены зеленые...
И девушка вышла б навстречу ко мне
И в жаркой любви бы призналась, смущенная...
И песню б от хаты до хаты несло,
В барвинковом цвете — такую, как пѣсанка,
Чтоб счастье калиною красной цвело,
Звучало напевом серебряным Лысенко,

Чтоб зеленью яркой покрылась земля...
Но нет! В селах пусто и в поле не зелено.
Там вытоптал ворог родные поля,
Там песен родных не услышишь — не велено.

И песня растоптана лютым врагом,
И солнце затянуто пасмурным пологом,
Мы днями руин эти дни назовем
И лихолетьем то время тяжелое.

Весна — не весна, если на сердце мгла
И ворог, как ворон, над днем твоим каркает.
И песня в леса, в партизаны ушла,
Такою мы знаем ее — партизанкою!

Вы слышите, други! Бьет в колокол месть
В Карпатах Франка и в шевченковых Моринцах.
Встает Украина за волю, за честь...
Живет она! Точит секиру и борется.

Борись, Украина, родная моя,
Фашистов громи, истребляй и отбрасывай!
Ты будешь свободною, наша земля —
Отчизна франкова, отчизна тарасова.
Ты слышишь шаги? Миллионами рук
Мы рвемся к тебе — этот час приближается!

Уж наших орудий гремит перезвук,
И песня бойца с партизанской сливается, —
Чтоб день засиял на Днепре, на Десне,
Чтоб снова деревья шумели зеленые,
Чтоб девушка вышла навстречу ко мне
И в жаркой любви мне призналась, смущенная...

И ЦВЕТОВ НЕ ВЫНОСИЛИ НАМ ДЕВЧАТА

С боем мы в село свое вошли,
Пить хотелось, спать хотелось, ныли ноги,
Пыль на теле, — целый мир в пыли!
Все бои, бои, бои
И все дороги.
Не поили молодницы молоком,
И цветов не выносили нам девчата.
Их фашисты расстреляли за селом, —
Ворвать не успели их у супостата.
И сжималось сердце болью неспроста:
Песня вдруг вдали послышалась родная.
Кто-то пел в ночи. Откуда песня та?
«Спи, сынок мой, спи любимый, баю-баю».
И увидели тогда мы вдалеке
Женщину, — она дитя свое качала.
Кровь застыла у ребенка на виске,
Бедная, она того не замечала.
Не забыть нам песню матери в ночи
И напев ее безумный: баю-баю,
Дым пожаров,
И руины,
И сычи...
Но звала дорога боевая...
И сердца наши сжимались болью вновь.

(Пить хотелось, спать хотелось, ныли ноги.)
Но сказали мы: «По коням! Кровь за кровь!»
...Вновь бои, бои, бои —
И вновь дороги.

СЛЫШИШЬ КЛИЧ ЖУРАВЛИНЫЙ В НОЧИ?

Что ни ночь — выхожу я во двор,
Ожидая: в рассветной дали,
Из-за моря летят, из-за гор,
В край днепровский летят журавли.
Серебрится Чумацкий шлях¹,
Словно в счастье калиновый мост.
Над Днестром, на его берегах,
Черный, черный немецкий погост.
Дорогая, не спи, не молчи,
Настежь окна, и сон прогони!
Слышишь клещ журавлиный в ночи?
То к тебе прилетели они!
То привет от меня принесли,
И весну принесли до зари.
Прилетели к тебе журавли —
Легкокрылые почтари!

ТРИ БЕРЕЗКИ

Три березки за селом стояли.
Три сестры на битву выступали.
Шелестели три березки за селом.
Мать все слезы вытирала рукавом.
Провожала, вытирала слезы мать.

¹ Чумацкий шлях — Млечный путь.

— По какой дороге, дочки, вас встречать?
Шляхом роменским вернетесь иль таврийским?
— С Красной Армией вернемся, шляхом близким!
И пошли. И три березки шелестели,
Дни степными журавлями пролетели...

Вот под первою березкой, под белесою,
Не растет цвет-трава, корень вянет.
Пала первая сестра под Одессою,
Прижимая к земле свои раны.
Под второй под березкою, низкою,
Не течет ручеек — пересох.
А вторую сестру там, под Искровкой,
Целовал свинец — острой пулей в висок.
Под березкою да под третьей
Черный ворон-крук кричит-каркает...
Ведут третью сестру. Мглою смертною
Ночь прощается с партизанкою.

Горевали три березки за селом,
Мать все слезы утирала рукавом.
Поджидала мать и слезы утирала,
На дороге войско красное встречала,—
Шляхом роменским, таврийскими путями
Шли... и мать шагала с красными бойцами!

СЕГОДНЯ Я, КАК ИМЕНИННИК

Сегодня я, как именинник —
Письмо от тебя пришло!
И в сердце моем отныне
И празднично и светло.

Нам всем эта радость знакома,
Особенно на войне.

От повара до военкома
Все нынче завидуют мне.
В той зависти злобы нету,
В ней радость одна, поверь, —
Как будто бы каждый это
Письмо получил теперь.
Услышать, что все здоровы,
Услышать, что ты жива...
Всегда мне родны и новы
Простые твои слова!
Мы все отлучились из дома,
Поскуем по вас — не секрет...
Смотрю я на твой знакомый,
На твой дорогой портрет.
В тоске по родимому крову
Всяк носит, на счастье свое,
Кто денежку, кто подкову,
А я ж — только фото твое...
Ребята меня обступили
И радость делили мою.
Вечерние звезды светили,
И каждый припомнил семью.
Один не промолвил ни слова,
Печалью покрылось чело.
На адрес Кирилла Квачева
Письмо до сих пор не пришло.
Наверно, уже и не будет,
В село его немцы пришли.
Дома свои бросили люди,
Ушли от родимой земли.
И вот он воюет. Не знает,
Где дочка, где сын, где жена.
В руках он винтовку сжимает,
Патроны в подсумке, — война!

В боях за свою Украину
Всегда он стремится вперед,
И — чудо! — ни пуля, ни мина,
Ни бомба его не берет!

Земля его держит для мщенья!
Он в славе пройдет по земле,
Он трупами в буре сраженья
Устелет дорогу к семье!

Ну, вот и конец. Будь здорова!
Хотел о любви написать,
А вышло письмо про Квачева...
Ко мне он подходит опять,

Привет он тебе посылает.
Кому еще больше? Кому?
Тебя по рассказам он знает, —
Пиши же. И мне,
и ему!

* * *

Каждый день встречаю почтальона,
Писем жду, а писем нет и нет.
Где ты, дом мой? В синеве бездонной
Степь да степь, да медленный рассвет.

Вспомню Днепр, зеленую равнину —
И далеко улетаю я...
Мы проходим с боем Украину, —
Трудный путь, родимые края.

И чем дальше, западней дорога,
Тем скорее я увижу вас —
Отчий дом, дочурку у порога
И жену... Уж близок этот час!

МОЖЕТ, СКАЖЕТ ИНФОРМБЮРО

Не спросила — люблю или нет,
Только знали мы, что расставались.
Ночь синела, и вспыхивал свет, —
То ракеты сигнальные рвались.
Шли за Киев родимый бои.
Знал я: будут и боли и муки.
Оставляли мы земли свои,
На прощанье пожали мы руки.
Мы взрывали дороги, мосты...
Где теперь ты? Бои и туманы...
Может, ранен я буду, и ты
Перевяжешь в степи мои раны.
Может, скажет Информбюро:
Партизанка Р. К. (так, хотя бы!)
Там, где Киев, где милый Днепро,
Поджигает фашистские штабы.
И узнаю по буквам Р. К. —
Это ты! То твоя рука!
Мы увидимся вновь! Кораблю
Подают уж сигналы ребята.
И скажу я тебе, что люблю,
Хоть меня не спросила тогда ты.

БЕЖЕНЦЫ

За кручею идут полки,
Идут бои' за кручею;
Дороги, степи, пыль, пески,
Ползут возы скрипучие.
Старухи скорб везут. Куда?
Испуг в глазах их светится,
Проходят села, города,

Дни тянутся, как месяцы.
Война за ними — по пятам,
За счастьем нашим гонится,
Врывается то тут, то там
Нежданно, как бессонница.
Возы плетутся, как судьба,
Плетутся, скарба полные,
Стоят не кошены хлеба,
Уходят к небу волнами.
— Тебя кто будет убирать?..
Комок земли-кормилицы
Взяла в платок старуха-мать
И что-то молвить силится.

Земля! В земле забытый плуг,
Как зуб, вот-вот прорежется.
Ползет возов печальный цуг.
Куда? Не знают. Беженцы!
Взлетает в небо черный крест,
Все ближе посвист выстрелов,
И люди прячутся окрест,
Наученные, быстрые..
О наши жены, — видим все,
Детей мы слышим плачущих:
Несчастье ваше нас несет
На конях, в битву скачущих.

Моя земля, за пядью пядь,
Ты будешь с боем пройдена!
Мы начинаем наступать
Во имя нашей родины.
Идут бои, гремят бои,
На запад путь — с победою!
Положим головы свои,
Но отомстим как следует!

Я СОХРАНЯЮ ОТ КВАРТИРЫ КЛЮЧ

Я шел на фронт и, как в былые дни,
Захлопнул форточку, стряхнул полоску пыли.
Сказал своим соседям, чтоб они
Белье забрать у прачки не забыли.
Замкнул квартиру и ушел на фронт.
В пути припомнил, что забыл в портфеле
Диплом, что надо сделать бы ремонт, —
Углы еще весною отсырели.
Так было летом. Цел ли ныне дом?..
Быть может, в комнатах рвались снаряды..
Зима в пути. Январским синим днем
По городам проходят снегопады.
Метель... и в поле заметает след
Моей мечты, дорог к родному дому.
Пять месяцев ни встреч, ни писем нет,
Потерян след любимых и знакомых.
Прошли мы все атаки, все бои,
Не знали женской нежности сердечной.
Но что страдания, горести мои?
Они, как жизнь снежинок, скоротечны:
Лишь упадут на теплоту щеки —
И, смотришь, нет, — растаяли, легки..
Мы были в городе разрушенном, а там
Ходила смерть, незримая во мраке.
Свои дома припоминались нам,
Но в них еще сидят фашистские собаки.
Я комнату свою припоминал
Там, в Киеве, на улице Бульонской,
Где Андерсен мне сказки рассказав,
С Карениной там расставался Вронский.
На стенке Горький с трубкою в зубах,
«Березовая роща» Левитана, —
Неужто все там превратил во прах
Какой-нибудь фашист поганый?
Там я писал и думал. Летним днем

Читал Катулла лирику и Шелли...
Так трепещите! Мы на вас идем,
От дома ключ у каждого в шинели.
Не отдадим домов своих тепло,
Земли ж отпустим — только на могилы,
Чтоб их навеки снегом замело,
Одни собаки чтоб над ними выли.
И выйдет снова солнце из-за туч,
И славе быть! И дню быть золотому!
От комнаты я сохраняю ключ.
Я верю, скоро снова буду дома!

РИСУНОК

Письмо без слов от дочери моей
Мне всяких слов дороже и милей.
Она рисунок мне прислала свой:
Дощатый домик, деревцо у дома
Да две ромашки на горе крутой...
Все это с детства каждому знакомо!
Клубится дым над синею трубой,
Кружочек — солнце и лучи — ресницы...
И это все письмо — весь мир ее простой.
Еще ей рано азбуке учиться,
Еще ей рано... Вечер на дворе.
В Уфе далекой дочка засыпала,
Когда под грохот вражьих батарей
Мне ППС письмо ее вручала.
И я его прочел среди друзей,
Что возвратились только что из боя.
Смотрели мы. И стало нам теплей
В мороз от солнца, детскою рукою
Зажженного... О, памяти тепло!
Повсюду я ношу письмо с собою,

И если мне на сердце тяжело,—
Смотрю на это солнце дорогое
И чувствую я новых сил прибой.
Ведут меня в боях, в дыму и громе —
Дощатый домик, деревцо у дома
И две ромашки на горе крутой.

ЛАСТОЧКА

Ласточка влетела в тихое окно,
Что бы это значило? — Право, все равно.
Предвещаешь смерть ты, добрую ли весть?
Шестеро нас в комнате и разгадок шесть.
Я хотел бы, ласточка, чтобы ты была
Вестницей победы, мира и тепла.

В НОЧЬ ПОД ИВАНА-КУПАЛА

(Рассказ партизана)

Я возводить дома привык,
Я мастерство свое постиг
И кирпичи клал по-старинке.
Премировал меня райвик, —
Дома как будто на картинке!..
Спросите-ка в селе Малинки;
Работа чья? — Ивана Дрѳхвы!
Люблю, когда возводят кроквы
И ладят светлую оконницу,
И гул идет на всю околицу!
Ведь каждый шов в доме, как дратвой,
Скреплен цементом, и не будет
Износу им!

В них жили люди

И знали: дом тот не расколется...
Справляли в доме новоселье,
И било в нем ключом веселье,
И счастье расселялось всюду.
Но ночью под Иван-Купала
На дом мой бомба вдруг упала,
Пробила крышу над постелью.
И нет теперь села Малинки,
Где здания, как на картинке.
Взамен домов — руина стала!
Рыдать? Рыдают только жинки.
Кто видел, чтоб рыдал мужчина?
Из глаз не выжмет слез кручина.
Должны рубить мы когти зверю!
И скинул я свой фартук серый,
И взял топор свой для почина,
И в лес украдкою пошел,
И там товарищей нашел,
И стал я партизанской веры...
Клялись мы отомстить врагам...
Когда-нибудь расскажут вам,
Как плотничий топор тяжел!
То танк горит, то бензобак;
Стреляем фрицев, как собак,
Как бревна, рубим пополам!
То вспыхнет штаб, то самолет, —
Ведь партизан так метко бьет,
Обтесывает чисто так!
Я мстителем народным стал.
У нас неписанный устав:
— Мсти за насилие и гнет,
Пока не выгоним из дому,
Не выкурим из горниц их,
Как ос из улья...
Будут злому
Врагу кровавые поминки!
Построим здания, как картинки.

Для жен и для детей своих.
Настанет час Ивана Дро́хвы!
Вновь буду возводить я кроквы
В родном селе своем Малинки,
Привешу светлую оконницу,
Чтоб гул пошел на всю околицу!
И каждый шов в домах, как дратвой,
Скреплю цементом. И не будет
Износу им!

Жить будут люди
И знать, что дом тот не расколется,
И справят в доме новоселье,
Забьет опять ключом веселье,
И снова счастье будет всюду!..
Чтоб бомба больше не упала
На крышу, прямо над постелью,
Как ночью под Иван-Купала.

ДА БУДЕТ ТАКИ

Терзает немец нашу Украину,
Он над святыней нашею смеется.
Но, кто рожден свободным, — не согнется
И под нагайку не подставит спину!
Бывало, половцы на нас когда-то
Ордою шли на мирные долины...
Как Днепр весною гонит к морю льдины, —
Так наши предки гнали супостатов!
Мой край родной! Кругом бушуют бури,
Раскрыла ночь пожарища, как раны...
Ликует враг. Но радоваться рано,
Зловещим тучам не закрыть лазури!
Падут враги! Наш гневный Днепр хлопочет,
Земля зовет нас головы снять с плеч им.
Судить их будут всенародным вечем.
Да будет так: свет солнца после ночи!

1820/87/1.

201

THE
LAWYER
ALCOHOL